

речью подумала Фаустина. — Так зачем же попусту утруждать себя? Презренные корыстные стяжатели...»

Лишь поднявшись на самую верхнюю террасу, Фаустина увидела старого раба, сидевшего на корточках у дверей.

— Приветствую тебя, госпожа! — Он торопливо вскочил и низко поклонился ей. — Боги прислали тебя облегчить наше несчастье.

— Что это значит, Милон? — спросила Фаустина. — Почему здесь так пусто? Где сенаторы и полководцы, где слуги и музыканты?

— Император уединился в дальних покоях. — Верный раб с грустью посмотрел на Фаустину. — Он стал недоверчив и подозрителен. В каждом человеке он видит подосланного убийцу. В каждом кубке ему чудится губительное зелье или подсыпанный яд. Он почти не принимает пищи. Ума не приложу, как он ещё жив. Сенатор Люций приходит к нему по утрам, но император отдаёт распоряжение, не отдёргивая занавес, и Люций с трудом разбирает невнятные слова. Лишь одного меня он допускает к себе, верно, потому, что я стар и служил ещё его матери. Но поторопимся, госпожа!

Раб повёл Фаустину через крытые дворики и переходы в императорские покои. В высокой комнате было сумеречно, почти темно.

И всё же Фаустина разглядела в углу какое-то существо с распухшим лицом. Руки и ноги его были обвязаны ссохшимися бинтами, из-под них торчали полусгнившие пальцы. Одежда несчастного была в пыли и грязи. Видно, он не в силах был ходить, а только ползал по террасе.

Фаустина шепнула рабу, шедшему впереди неё:

— Кто это, Милон? Как посмел этот урод забраться в императорские покои? Вышвырни его отсюда и накажи!

Не успела она договорить, как увидела, что раб почтительно склонился до земли перед лежавшим в углу жалким существом.

— Император, — произнес он, — наконец-то я принёс тебе радостную весть!

Фаустина пошатнулась. Словно острый кинжал прошёл между её рёбрами и глубоко вонзился в сердце. Она никак не ожидала, что болезнь зашла так далеко и превратила императора в безобразного калеку. Слёзы потекли по её щекам, но она стиснула зубы и подавила рыдания.

— Ты пришла, Фаустина? — еле слышно проговорил император, не открывая глаз. — Я провёл здесь долгие часы, и мне всё время мерещилось, что ты стоишь рядом и плачешь надо мной. Я и сейчас не решаюсь взглянуть на тебя, боюсь, это лишь игра моего воображения...

Фаустина подошла к императору и опустилась возле него на мраморные плиты пола. Она приподняла его голову и положила её себе на колени.

— Так тебе будет удобней, мой милый сын, — сказала она.

«О, если бы у богов было хоть сколько-нибудь милосердия, — подумала Фаустина, — они дали бы мне умереть прежде, чем я скажу этому несчастному, что больше нет надежды...»

И она рассказала императору, что пророк из Назарета был распят в тот самый день, когда она приехала в Иерусалим.

Фаустина тяжело вздохнула. Нет, она никогда не сможет смириться с тем, что случилось.

— Если бы я увидела этого святого чуть раньше... О, я потребовала бы от наместни-

ка... Кто знает, может быть, мне посчастливилось бы спасти его!

Но к её удивлению, император выслушал её с величайшим равнодушием.

— Так ты действительно сокрушаешься об этом? — Отзвук привычной язвительности прозвучал в его голосе. — Моя дорогая старая Фаустина, неужели целая жизнь, проведённая в Риме, не отучила тебя верить во всяких обманщиков, чародеев и колдунов?

— Он не был колдуном, он воистину был пророк! — горячо возразила Фаустина. — Когда я увидела его, я подумала, это — Бог!

— Вот легковерие женщин, — насмешливо сказал император. — Я рад, что он умер. Он был оскорбителем Цезаря и бунтовщиком. Пусть скорбят о нём наивные и глупцы, для меня же всё сложилось как нельзя удачней.

— Опять твоя жестокость и хитрость! — в негодовании воскликнула Фаустина. — Это то, что я больше всего не люблю в тебе!

— Узнаю тебя, старая кормилица, — с усмешкой сказал император. — Но не надо спорить. К тому же ты всегда считаешь, что истина на твоей стороне. Это скучно, Фаустина!

Фаустина уже готова была вспылить, но в этот миг она нечаянно коснулась лба императора. Кожа его была как грубая древесная кора, покрытая липкой смолой. Жалость к несчастному мгновенно остудила её гнев.

— Я говорила о нём со многими в Иерусалиме, — тихо сказала она. — Нет, он не совершил преступлений, в которых его обвинили!

— Может быть, может быть, — устало и презрительно промолвил император. — Но скажи, есть ли на свете человек, который за свою жизнь тысячу раз не заслужил бы смерти?

— Ах так! — в запальчивости воскликнула Фаустина. Она не могла стерпеть, чтоб носили того, кто стал для неё бесценной святыней. — Так слушай же! Я вытерла платком с его лица капли пота и кровь. Разве не чудо, что его прекрасный лик остался изображённым на моем платке? Вот, смотри!

И Фаустина развернула перед императором свой платок из тонкой льняной ткани.

Император наклонился над платком и увидел бледный отпечаток человеческого лица. Казалось, изображение сделано кровью, слезами и тёмными тенями скорби.

Всё ниже склонялся император над таинственным изображением. Всё ярче и отчётливей проступало прекрасное лицо. Он увидел кровь на высоком челе, терновый венец. И вот из-за смутных, неясных очертаний перед ним засияли глаза, полные чистоты и величия.

— Человек ли это? — прошептал император тихим потрясённым голосом. — Человек ли это?

Император умолк, он весь ушёл в созерцание.

— Я скорблю о твоей смерти, о ты, неведомый, — прошептал он. — Ты исцелил бы меня...

Теперь он видел перед собой только эти сияющие глаза, полные любви и всепрощения. Они, казалось, обнажили его сердце.

— Ты — человек! — сказал он спустя некоторое время. — Ты — тот, кого я никогда не надеялся увидеть. Я и все остальные — только дикие звери и чудовища, но ты — человек!

Он, преодолевая слабость и боль, встал на колени перед изображением. Не спуская с него глаз, он всё ниже и ниже склонял го-

лову, пока его лоб не коснулся платка, растеленного на мраморных плитах.

— Смиловствись надо мной, о неведомый!.. — слышался его надорванный, измученный голос.

Бедная Фаустина испугалась того, что натворила.

«Зачем, зачем я показала императору это святое лицо? — в беспокойстве подумала она. — Это принесёт ему только лишние страдания, прозренье несвершившегося чуда. Это моя вина...»

В отчаянии она потянула к себе платок и быстро спрятала в складках одежды.

Император поднял голову и взглянул на неё. И что же? Фаустина замерла потрясённая. Лицо императора очистилось, ни следа проказы! Глаза, как прежде, зорко и пронзительно глядели на Фаустину.

— Сын мой, дитя моё, ты исцелился! — вне себя от волнения и счастья воскликнула Фаустина. — Свершилось! Ты исцелился! Чудо свершилось!

Вечером император возлежал на пышном ложе, покрытом драгоценными тканями. Рабы подносили ему и Фаустине редчайшие яства на золотых блюдах.

— Зажгите все светильники! Больше света, ещё больше! — приказал император, хотя зал так и сверкал огнями.

Иногда он искоса поглядывал на свои холёные белые руки, и Фаустина, перехватив его взгляд, потихоньку снисходительно и ласково улыбалась.

Весть о чудесном исцелении императора неведомо как мигом облетела весь остров. Сенаторы, советники, приближённые униженно жались к стенам, издали нерешительно поглядывая на императора.

Проныры из тех, кто посмелей, с поклонами, словно стелясь по мраморным плитам, подходили к ложу императора. Их сладкие, вкрадчивые голоса текли, как мёд. Они надеялись лестью перехватить первые милости.

— О великий, сколь ты угоден богам!

— Любимец богов! Они ещё раз изъявили к тебе свою благосклонность!

Но император словно не слышал хор подобострастных голосов, и они, потерянные, смущённо отходили, чтоб исчезнуть в настоженной и молчаливой толпе придворных.

Император потянулся, зевнул и поднялся с ложа. Положив руку на плечо Фаусти-

ны, он вышел вместе с ней на открытую террасу, нависшую над морем. Шум и плеск волн мешался с пением птиц, благоухали ночные цветы, с моря доносился пряный запах йодистых водорослей. Крупные южные звёзды от края до края усыпали небосклон.

— Дворец просторен и удобен, моя старая кормилица. Выбери себе любые покои, какие только пожелаешь, лишь бы они были возле моих. Моя старая ворчунья, я хочу, чтоб мы больше никогда не расставались, ни на один день.

— Опять ты хочешь кроить чужие жизни по-своему, — улыбнулась Фаустина. — Нет, у меня другой путь, и я не сойду с него. Я решила вернуться в Сабинские горы к бедному виноградарю и его жене. Я хочу креститься и стать христианкой! Я это решила в своём сердце, как только увидела пророка из Назарета, но только не сразу осознала это.

Император повернулся к Фаустине, пристально вглядываясь в её лицо.

— По твоему голосу я слышу, что тебя бесполезно отговаривать, — с печалью сказал он. — Да и упрямый твой характер мне хорошо известен.

— Милый мой сын, — тихо сказала Фаустина, — если безудержный гнев или раздраженье вновь овладеют тобой, вспомни того, кто совершил чудо и принёс тебе исцеление. Вспомни Его!.. — И добавила так тихо, что император даже не расслышал: — Прощай...

Когда император оглянулся, Фаустины рядом с ним уже не было.

Император опёрся о мраморные перила балюстрады. Он молча всматривался в изогнувшийся над миром звёздный небосклон, а звёзды отвечали ему своим сверкающим молчаньем...

А Фаустина вернулась в Сабинские горы к Марии и Доместиану и вскоре крестилась. При крещении она получила имя Вероника, что значит «истинное изображение». Ведь ей было суждено принести людям истинный образ нашего Спасителя Иисуса Христа.